

Предисловие

Задачу этой книги автор видит главным образом в разработке проблемы культуры вина в китайской традиции. На материалах исследований отечественных и зарубежных синологов, посвященных религиозной и культурной жизни Китая, а также Юго-Восточной Азии в целом, памятников китайской культуры, данных археологических раскопок и на фольклорных материалах впервые рассматривается развитие китайской культуры вина и основные этапы формирования винных ритуалов, изучаются различные формы реализации алкогольной традиции Китая.

В первой части ставится задача рассмотрения вина как культурной универсалии, изучения отношения к вину у различных народов, выявления особенного отношения к вину в Китае, во второй части — исследования роли и места вина в культуре и повседневности Китая с древнейших времен до наших дней, изучения обрядовой стороны культуры потребления вина, исследования семантики вина в поэзии, фразеологии и письменности.

Книга посвящается светлой памяти нашего научного руководителя, кандидата филологических наук, профессора О. М. Готлиба. Автор выражает признательность коллективу кафедры востоковедения и регионоведения АГР Иркутского государственного университета, уважаемым рецензентам за поддержку и внимание к данной работе, а также студентам — за интерес к ней. Отдельную благодарность автор выражает мужу и дочери за неизменное терпение.

Введение

Данная монография посвящена культуре вина в Китае. Вино является частью общечеловеческого достояния. Обычаи, связанные с изготовлением и употреблением вина, в разных обществах не одинаковы. Что и как пьют китайцы — один из интересных аспектов их национальной культуры, в части употребления алкоголя они следуют глубоким и своеобразным традициям. Чтобы увидеть и оценить особенности «винной» культуры китайского народа, необходимо проанализировать различные явления его жизни, изучить то, как «носители культуры ее понимают, растолковывают и смыслят» [52, с. 112].

Тема культуры вина в Китае исследовалась в контексте явлений культуры. В частности, культура вина тесно связана с древними религиозными ритуалами, с движением «ветер и поток», с играми застольного приказа. Некоторые элементы китайской культуры вина распространились по всему региону и встречаются в наше время, некоторые остались лишь явлением прошлого. Анализ культуры вина особенно значим в связи с важностью алкоголя в различных ритуалах.

Культура потребления вина является одним из архетипических оснований осевого времени. Отношение к вину в рамках той или иной культуры зависит от религиозных и культурных традиций конкретного народа. При этом в большинстве культур (европейской, арабской, индийской) существует двойственное отношение к вину: признается его и благотворное, и пагубное влияние на человека. Эта двойственность закрепляется в культуре на

уровне мифологии, а также среди религиозных запретов. В отличие от большинства культур, в Китае отсутствуют как негативные мифологические коннотации вина, так и религиозные запреты. Более того, образ вина представлен в качестве однозначно положительного, не одобряется лишь чрезмерное употребление вина. В китайской культуре можно выделить два ключевых аспекта восприятия вина. Во-первых, это лекарство для души и тела, во-вторых, вино непосредственно связано с занятиями искусствами. Оба этих значения восходят к архаическим ритуалам. Таким образом, можно говорить о сакрализации вина.

В китайской культуре вино считается неотъемлемой частью мира, оно составляет основу социальной действительности. Одновременно это и путь познания высшей истины. Китайская культура вина представляет собой сложную знаковую систему. Это код, целью которого является сохранение и воспроизведение национальной традиции. Все элементы процесса употребления вина являются частью кода, их использование строго регламентировано. В сложной системе китайских ритуалов — религиозных, социальных и бытовых — вино занимает свое особое место. Вино в ритуальной традиции выступает в качестве метафоры единения с духами, что является залогом поддержания гармоничного миропорядка.

Вино в китайской поэзии — это в первую очередь метафора. С образом вина связана тоска по людям или по дому, жажда жизни и наслаждение ею. Вино является важным элементом космогонической лирики, рассуждая о законах мироздания, поэты часто упоминают о вине. Опынение в буквальном значении забытья и одурманивания встречается крайне редко. Винопитие — это не кутеж, а духовное очищение. Состояние опынения дает ощущение абсолютной духовной свободы. Эта мировоззренческая особенность не менее отчетливо прослеживается на материале устойчивых выражений, в состав которых вхо-

дит понятие «вино». Например, отдельную группу представляют фразеологизмы со значением экстатического вдохновения. Значительная часть устойчивых выражений восходит к древним обычаям, ритуалам, этикету и законам гостеприимства. Другая группа обладает религиозной семантикой, порицающей излишества в соответствии с традициями конфуцианства и имеющей выраженную морально-нравственную оценку. Вино в устойчивых выражениях нередко имеет значение богатства.

При анализе письменных знаков очевидно выявляется прозрачность их семантики. Части сложного знака имеют определенные семантические значения, и, взаимодействуя между собой, образуют общее значение всего знака. В тех случаях, когда формально знаки причисляются к фонограммам, можно видеть взаимодействие элементов сложного знака, которое позволяет отнести их к идеофонограммам или к идеограммам, т. е. второй элемент знака не только выполняет функцию фонетика, но и имеет семантическое значение и взаимодействует с первым элементом, образуя общее значение. Существуют знаки, в которых взаимодействуют не собственно значения составляющих компонентов, а первичные значения пиктограмм, от которых они произошли и на основе которых развились новые значения этих знаков с сохранением графической формы.

Многоаспектный подход, избранный автором для осуществления исследования, позволяет на различных материалах увидеть специфику культуры вина в Китае.

Часть I

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВИНА

ГЛАВА 1. ВИНО В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

Алкоголь входит в человеческую культуру с древнейших времен. Специфическое одурманивающее свойство алкогольных напитков послужило причиной их обширного воздействия на мировые культуры. Огромная категориальная значимость вина приводит к необходимости подробно остановиться на определении этого термина. В узком понимании вино — «это алкогольный напиток, который изготавливается из винограда или других фруктовых плодов» [55]. Более широкое толкование слова дано в словаре В. И. Даля, где вино рассматривается как любая «растительная жидкость, перешедшая третью степень брожения (1. квасное; 2. сахарное; 3. винное; 4. гнилое) и получившая от этого пьяное свойство» [16]. Широкое понимание представлено также в толковом словаре Д. Н. Ушакова, который определяет вино как «напиток, содержащий алкоголь» [57]. А в толковом словаре С. И. Ожегова приведено два значения слова *вино*: «1. Алкогольный напиток (преимущественно виноградный); 2. То же, что водка (прост.)» [56; 37]. Здесь интересно второе значение: традиционный для русской культуры крепкий алкогольный напиток имеет название *водка*, но в просторечии может быть назван обобщенно-видовым термином *вино*. Таким образом, широкое понимание слова *вино* является норма-

тивным, закрепленным как в национальной культуре, так и в словарной норме.

Огромная роль вина в формировании социальных и религиозных ритуалов позволяет говорить о его культурообразующей роли. «Алкоголь известен как значимый компонент, обуславливающий поведенческие сценарии людей с самых ранних стадий эволюции социума», — отмечается в новейшем философском словаре [34, с. 48; 35]. Испанский философ первой половины XX века Х. Ортега-и-Гассет писал, что «вино представляется... по-настоящему космической проблемой» [36, с. 84]. Подобная значимость алкогольных напитков для человеческой культуры, конечно, не случайна, во многом это связано с древнейшими религиозными культами, следовательно, с игрой в социокультурном понимании данного термина. «Игра старше культуры», — отмечал нидерландский культуролог Й. Хейзинга, понимая под игрой устоявшиеся формы сакрализации общественных отношений [62, с. 22]. Игра — это ритуализация действительности, это наполнение окружающего мира новым смыслом, единение человека с миром. Состояние измененного сознания, достигающееся посредством употребления алкогольных напитков, стало настолько значимой частью этой игры, что поэтизацию алкогольных ритуалов следует считать важным элементом осевого времени.

Осевое время — термин, введенный К. Ясперсом, который полагал, что в определенный период исторического времени во всем мире произошло накопление культурообразующих произведений, создавших то основание, на котором развивались далее человеческие культуры. К. Ясперс полагает, что «ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой

сохранился и по сей день» [65, с. 32]. Тогда же и сформировалось то двойственное отношение к алкоголю, которое мы можем видеть в современном мире и на протяжении истории.

Предварительный обзор культуры вина в мировых цивилизациях обусловлен фактором культурных универсалий. Под термином *культурные универсалии* традиционно понимаются «типичные и повторяющиеся аспекты жизни, которые проявляются во всех известных обществах» [50, с. 103, 481]. Существование подобных универсалий основывается на представлении о социальной природе культуры. По формулировке Д. П. Мёрдока, стоявшего у истоков концепции культурных универсалий, «все культуры, будучи передаваемыми посредством научения, будут обнаруживать в себе некоторые черты единообразия, являющиеся отражением этого универсального общего фактора» [32, с. 49]. Содержание универсалий может различаться в тех или иных культурах. Хрестоматийным примером является семья, ценность которой признается в каждом социуме, однако нормативные типы семейных отношений существенно различаются.

Вино — один из центральных символов человеческой культуры в целом. С культурой потребления вина связаны важнейшие культы многих цивилизаций. Так, в христианстве хлеб и вино претворяются в процессе совершения таинства причастия в плоть и кровь Христову, а в исламе употребление вина запрещается [58]. При этом символическая значимость вина в христианской и исламской культурах огромна. «В Средиземноморье вино повсеместно связывали с плодородием и жизнью после смерти (смысл традиции, по которой несколько капель вина выливают на землю). В культе древнегреческого бога Диониса (в римской мифологии Бахуса) вино было символом экстатического союза с самим богом, а в орфических ритуалах оно приравнивалось к жертвенной крови. Христианство

придало этому символизму новую поэтическую силу: «ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Евангелие от Иоанна, 6:56). Символизм евхаристии и Грааля в том, что сосуд с жертвенным вином представляет чашу с искупающей кровью Христовой. Средневековые изображения Христа, стоящего или преклонившего колени в винном прессе, представляют собой иллюстрации слов святого Августина (354–430) о Христе как о «грозди винограда, положенной под пресс. Грозди винограда — похоронные эмблемы спасения. Напротив, кровь, текущая из раздавленного винограда, символизирует гнев Господень, как в Откровении (14:20). Вспомогательный символизм вина состоит в том, что оно рождает истину и “открывает сердце рассудку” или развязывает язык лжецам и лицемерам. В Ветхом Завете виден довольно терпимый взгляд на пьянство как на человеческую слабость. Ноя скорее стыдят, чем обвиняют в этом пороке» [53, с. 89].

В то же время В. Похлёбкин отмечает, что «в библейской символике одна из основ жизни: “дети кричат: хлеба и вина” (Плач Иер. 2:12). Отсюда наиболее частая оценка вина в Библии как “лучшего дара Творца”. Вместе с тем в ряде мест Библии более позднего происхождения вино изображается как напиток, приносящий проклятие, как один из символов зла для рода людского» [40, с. 76]. Таким образом, дуализм в христианском отношении к алкоголю заложен изначально. То же можно сказать и об исламе. Обе эти религии, будучи основаны на книгах Ветхого Завета, выработали принципиально отличное отношение к алкогольным напиткам.

Отношение к алкогольным напиткам незначительно трансформировалось с течением времени. С развитием научного знания в процессе становления рациональной картины мира изменялись социальная роль алкоголя и понимание его воздействия на психику человека. Однако

древнейшее восприятие дионисийского безумства сохраняется в культуре и сегодня, несмотря на то что в наши дни алкоголь осознается скорее как социальная проблема. По мнению А. А. Грицанова, можно рассматривать значимый и одновременно высокотрагичный потенциал алкоголя как распространенного стимулирующего средства механизмов сублимации у выдающихся творческих личностей (Л. ван Бетховен, В. Высоцкий, С. Есенин, К. Маркс, М. Мусоргский, А. де Тулуз-Лотрек, П. Чайковский и др.) [34, с. 48].

Алкоголь и вызываемое им опьянение суть высвобождения творческого потенциала человечества. Ф. Ницше описывает дионисийское опьянение как «чудовищный ужас, который охватывает человека, когда он внезапно усомнится в формах познания явлений, и закон достаточного основания в одном из своих разветвлений окажется допускающим исключение. Если к этому ужасу прибавить блаженный восторг, поднимающийся из недр человека и даже природы, когда наступает такое же нарушение *principii individuationis*, то это даст нам понятие о сущности дионисического начала, более всего, пожалуй, нам доступного по аналогии опьянения. Либо под влиянием наркотического напитка, о котором говорят в своих гимнах все первобытные люди и народы, либо при могучем, радостно проникающем всю природу приближении весны просыпаются те дионисические чувствования, в подъеме коих субъективное исчезает до полного самозабвения» [33, с. 73]. Именно на этой культурной роли алкоголя и базируется двойственность его восприятия.

В европейской и славянской цивилизациях «вино — это мудрый, плодоносный и ветреный бог. Дионис, Вакх — в этих именах слышится гомон нескончаемого веселья; подобно жаркому ветру тропических лесов, он добирается до потаенных глубин жизни и там взбаламучивает ее» [36, с. 85]. Это символ вечного возрождения.

В «Словаре символов» вино рассматривается как «жизненная сила, духовное благословение, спасение, радость, исцеление, истина, преображение. Кроме своей ценности в качестве застольного, питательного и лечебного напитка, сок раздавленного винограда имеет таинственную способность превращаться в нечто большее, чем средство утоления жажды и опьянения, — и изменять тех, кто его пьет. Это, а также кровавый цвет вина — основа его священного символизма» [53, с. 89]. Однако в христианской культуре злоупотребление алкоголем резко осуждается.

Сложно сказать, пришло ли негативное отношение к пьянству из античности вместе с культурой виноделия или формировалось стихийно в результате наблюдений за последствиями злоупотребления алкоголем. Однако еще у римлян существовало презрительное выражение «Он пьет, как скиф», что означало, что человек пьет неразбавленное вино. В христианской традиции в течение долгого времени пьянство считалось грехом, то есть что пьющий человек просто не воздержан, алкоголизм вплоть до недавнего времени не рассматривался как болезнь. При этом исследователи отмечают, что при негативном отношении к алкоголизму «в российском общественном сознании одобряется “культурное”, умеренное потребление алкоголя. В повседневном сознании присутствует положительное отношение к свойству алкоголя улучшать настроение, а также к легкой степени алкогольного опьянения. Традиционный тост — “Ваше здоровье!” — отражает представления о том, что алкоголь имеет лечебное значение.

В России издавна сложились алкогольные традиции и обряды, которые связывают принятие алкоголя с событиями жизненного цикла — рожденьями, свадьбами, похоронами, праздниками, успехами, неудачами и др. В течение многих лет создавалась своеобразная “питейная процедура”, согласно которой ни одно знаменательное со-

бытие, ни один день отдыха не должен проходить без потребления алкоголя. Отказ выпить может рассматриваться как недостаток уважения к человеку, который предлагает выпить («если ты не выпьешь со мной, ты не настоящий друг»). Учитывая, что дружба имеет огромное значение в российской культуре, такие высказывания заставляют человека присоединиться к выпивке» [46]. Это наблюдение относится не только к России, но и к другим странам христианской цивилизации.

В христианской культуре пить предполагается от радости, от избытка чувств. Как пишет об этом Г. Честертон, «здоровая точка зрения на выпивку покажется парадоксом, как и многие здравые мнения. Пейте от радости, но никогда не пейте с горя. Никогда не пейте, если вам без этого плохо, иначе вы уподобитесь серолицему подонку. Пейте, когда вам и без того хорошо, и вы уподобитесь веселым крестьянам Италии. Не пейте потому, что вам надо напиться, — это разумное пьянство, оно ведет к смерти и аду. Пейте потому, что вам не нужно, — это пьянство неразумное и древнее здоровье мира» [63, с. 209].

В этом пространство непонимания между исламской и европейской цивилизациями, первая пропасть между Востоком и Западом. Честертон воспринял поэзию Хайяма буквально, в то время как понимание алкоголя в исламской культуре отлично от христианского. «В руках у нас то чаша, то Коран», — пишет Хайям [51; 60, с. 43]. Вино метафорически выражает экстатическое богопознание:

Разум смертных не знает, в чем суть твоего бытия.
Что тебе непокорность моя и покорность моя?
Опьяненный своими грехами, я трезв в упованье,
Это значит: я верю, что милость безмерна твоя [60, с. 56].

Человек, бунтующий против исламской доктрины о предопределении, предпочитает свободный выбор: гре-

шить или не грешить, и если отказаться от греха, то сознательно, а не в силу слепого повиновения запрету.

Подобное толкование образа вина подкрепляется стихами еще одного исламского поэта — Джалаладдина Руми. Характерный образ вина (виноградного сока) представлен в следующем стихотворении:

Все то, чего коснется виноградный сок,
Приобретает привкус винограда:
Морковь и яблоки, айва, орехи, плов,
И губ Возлюбленной услада.
Когда ты знание в свет веры погрузишь,
Ты осветишь дорогу тем, кто жаждет света,
И станет светоносным все, что ты им говоришь,
И чистым, как вода, — другой у неба нету [45].

Виноградный сок здесь сравнивается со знанием и светом, чаша в буквальном смысле становится Кораном. Подобное мировоззрение характерно для суфиев, которые прошли этап изучения Корана и хадисов и отправились дальше по пути духовного усовершенствования. Те запреты, которые беспрекословно обязаны соблюдать благочестивые мусульмане, для них становятся источником вопросов, их задача — постичь смысл запрета и тем самым приблизиться к абсолюту насколько это возможно.

Запрет на вино в мусульманской религии сформировался не сразу. Изначально в Коране сказано: «От плодов пальм и виноградных лоз вы получаете хмельной напиток и добрый удел (К, 16:67)». Мухаммад Али Ризаи Исфакхани в своей книге «Чудеса и изумительные аспекты Корана» выделяет четыре этапа формирования отношения к алкоголю, которое обозначено словом *хамр*, то есть то, что опьяняет, причем происхождение опьяняющего вещества не имеет значения, важно само состояние, хотя, как правило, слово *хамр* обозначает именно спиртные напитки.

На *первом этапе* речь идет о хмельных напитках. При этом «слово *сукр* (“хмельной”) терминологически имеет несколько значений: “опьяняющее вино”, “вкус еды”, “состояние покоя” и т. п. Но основное значение этого слова — “плотина”, опьянение же обозначается словом *сукр*, ибо оно является плотиной на пути познания. На этом этапе указывается на правильное и дозволенное использование плодов винограда и финиковой пальмы, а также на метод верного их использования. Это является первым этапом на пути правильного воспитания людей и предотвращения вредных привычек» [21, с. 56]. Запрета на употребление вина это напутствие не содержит.

Второй этап в алкогольной культуре ислама автор связывает со следующими словами Аллаха: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Отвечай: “И в том, и в другом есть великий грех, есть и некая польза для людей, но греха в них больше, чем пользы” (К, 2:219)». Здесь мы снова сталкиваемся с двойственным отношением к вину, которое можно наблюдать в христианской культуре; в исламе отсутствует метафорика претворения вина в кровь, поэтому рассматривается только физиологическое воздействие этого напитка. Несмотря на то что архаические арабийские культы предполагали употребление вина, а также совершение жертвенных возлияний, исламские богословы все же считали, что вреда от вина больше, чем пользы [3]. Этот постулат был воспринят повсеместно, на некоторых территориях запрет на употребление алкоголя соблюдался более или менее строго. Мухаммад Али Ризаи Исфакхани считает, что вино «наносит телу и душе человека огромный вред, так как оно выступает в качестве барьера на пути совершенства и добра. Такое отношение Корана к употреблению вина послужило причиной для того, чтобы мусульмане отвергли этот предосудительный обычай» [21, с. 56].

Третий этап — общеизвестный аят, запрещающий молитву в пьяном виде: «О, вы, которые уверовали! Не

творите молитвы, будучи пьяными, [и ждите], пока не станете понимать то, что говорите (К, 4: 43.)». Среди исламских богословов существует три понимания данного аята. Первое буквально предполагает, «что мусульмане не должны приступать к совершению молитвы после употребления вина» [21, с. 61]. Поскольку временной промежуток между пятью обязательными намазами (молитвами) достаточно короткий, то данное условие превращается в запрет. Второе толкование основывается на многозначности слова *сукр*, в этом случае предполагается, что к молитве нельзя приступать в сонливом состоянии. Третий вариант основывается на многозначности слова *сала[m]*, которое в зависимости от контекста может означать молитву или мечеть. То есть рекомендации данного аята можно толковать так: «в состоянии опьянения не приближайтесь к мечети» [Там же, с. 63].

Четвертый этап связан с древними арабийскими культами и их традициями. В Коране сказано: «О, вы, которые уверовали! Опьяняющий напиток, майсир, [жертвоприношения] на каменных жертвенниках [и гадание] по стрелам — скверные деяния, [внушаемые] шайтаном. Сторонитесь этого, быть может, вы преуспеете. Воистину, шайтан при помощи вина и майсира хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и совершения молитвенного обряда. Устоите ли вы [перед ними]? (К, 5: 90–91)». Мухаммад Али Ризаи Исфакхани полагает, что «предписание о запрете на употребление вина было объявлено окончательно» [Там же, с. 67]. Однако исследователь отмечает, что даже в «данном аяте предписание о запрете на употребление вина дано не формально: перечислены вредные аспекты употребления вина и увлечения азартными играми (что представляет большой интерес в воспитательном плане). Эти вредные аспекты состоят из того, что данные занятия являются скверными деяниями и считаются внушением шайтана,

который хочет посеять рознь между людьми, отвратить их от Господа и от совершения молитвы» [Там же, с. 68]. Влияние религиозного толкования данного аята на формирование окончательного запрета довольно неоднозначно, поскольку куда большее значение здесь имеют древние языческие культы, господствовавшие на Аравийском полуострове.

В исламской культуре, следовательно, мы видим тот же дуализм в отношении к вину, что и в христианской традиции. Однако отсутствие сакральной метафоричности вина в доминирующей монотеистической религии привело к его запрету.

Но и здесь не все так однозначно. Как уже было отмечено, вино являлось важной частью культуры народов Аравийского полуострова задолго до появления ислама. Известно, что вино изготавливали на Ближнем Востоке по крайней мере еще 5000 лет назад, и оно ценилось как божественное благословение, доказательство силы природы и ее благотворного, оживляющего духа. В исламе считается, что это благословение для тех, кто достиг рая: «Пророк запрещал не вино, а злоупотребление им» [53, с. 90]. Однако воспринимается, что этот запрет наложен на вино в целом. В хадисах пророка говорится: «Вино — это главный корень и источник грехов, и кто выпил вино, тот теряет рассудок. Он не знает Бога. <...> Он никого не уважает, не признает прав родных и близких, не чурается явно дурных поступков. Его покидает дух веры и благочестия, остается же в нем дух мерзости и порока. <...> Его будут проклинать Бог, ангелы, пророки и правоверные. Сорок дней его молитва не будет принята. В день Страшного суда лицо его будет черным, язык будет свисать изо рта, слюна стекать на его грудь, от жажды поднимется вопль из его груди» [21, с. 76].

Строгость соблюдения запрета на употребление вина варьировалась в зависимости от исторического периода,

а также от региона. Таким образом, изначально религиозно-мистический образ вина вошел в различные культуры мира, уже в древности культурное значение алкоголя распространилось далеко за пределы религиозного контекста, появились социальные ритуалы, традиции и обряды. «Не было ни одной ранней культуры, которая не использовала бы в своем арсенале наркотические и психоделические средства, дающие прорыв в иную реальность» [29, с. 210]. Это закрепилось в различных социальных обрядах, в идиомах, в культурных табу.

Даже будучи вытесненным новыми культурными моделями, изначальное отношение к алкоголю находит свои формы выражения в национальных культурах. В качестве иллюстрации данного тезиса можно вспомнить русские сказки, классический финал которых звучит как «я там был, мед-пиво пил...». Русские пословицы и поговорки, посвященные теме вина, можно условно разделить на две части. Половина из них рассматривает вино как благо, например: «Жалеть вина — не видать гостей», «Надо пить, да правду молотить. Без вина правды не скажешь», «Чарка вина прибавит ума. Пей до дна, наживай ума!», «Без хлеба не работать, без вина не плясать» и др. Другая половина осуждает употребление алкогольных напитков, например: «Вина напиться — бесу предаться. В пьяном бес волен», «Хорош богатырь, коли пьян с вина на алтын». Причем преобладают поговорки первого типа. Особый интерес вызывает пословица «Чарка вина прибавит ума. Пей до дна, наживай ума!», которая явно относится к наиболее архаичному пласту идиоматики. Это выражение происходит из экстатической культуры и является прямым порождением мифологического мышления. О. Г. Лазареску, рассматривая подобные архетипы в рамках анализа пушкинского «Пира во время чумы», отмечал, что «вино и ум на уровне обыденного сознания являются оппозицией. Но в ситуации “лицом к лицу” со смертью они теряют свою

идентичность, то сливаясь до тождества, то отрываясь друг от друга» [24, с. 45]. Мифологическое сознание не видит разницы между жизнью и смертью, духовное очищение и прояснение разума в рамках христианской культуры возможно только на уровне такого архаического мировоззрения.

Подобная картина наблюдается и в европейских странах. Так, среди португальских пословиц значительная часть представляет вино как важную составляющую жизни: «Хорошее вино заменяет проповедь», «От красного вина и кровь краснее», «Не обедай без вина, не подписывай не глядя». При этом существует несколько меньшее количество поговорок о воздержанности в употреблении вина: «Кто с вином сильно дружит — себе враг», «Больше людей захлебнулось вином, чем водой». Следует учитывать то обстоятельство, что «противоречивые оценки, содержащиеся в Библии, оказали воздействие на все восприятие вина как символического понятия в разных странах, куда исторически проникло христианство» [40, с. 76]. Таким образом, можно говорить о более или менее однозначном восприятии вина в странах христианского культурного кода. Это восприятие распространяется сейчас повсеместно в связи с процессами глобализации.

Помимо разделения на позитивные и негативные коннотации можно классифицировать связанные с вином и алкоголем поговорки по социокультурному принципу. Тематическая классификация пословиц об алкоголе в русском языке представлена в исследовании Е. А. Савиной и Е. С. Гладких [46].

Еще в древности люди обратили внимание на антисептические свойства вина. Употребление вина, а не воды позволяло избегать большого количества инфекций, предотвращать распространение желудочных заболеваний. Именно поэтому вино в древних культурах юга воспринималось как дар божий, именно поэтому культ Диониса имел

такое огромное значение. «На Юге, в Средиземноморье, где развилась еще в дохристианское время культура виноделия и потребления вина, оно всегда в принципе символизировало “дар божий”, “источник жизни”, и его общая оценка, как общественно-политическая, идеологическая, так и бытовая, была положительной вплоть до новейшего времени» [40, с. 77]. Однако в этих культурах вино разбавляли: это было характерно как для греков и римлян, так и для евреев и египтян. Употребление чистого неразбавленного вина осуждалось (мы уже упоминали римскую поговорку «Он пьет, как скиф» о человеке, который пьет неразбавленное вино). В. В. Похлёбкин отмечает, что именно разрушение этой традиции и привело к формированию нового отношения к вину: «позднее с нарушением традиций смешивания вина с водой, с распространением злоупотребления вином и тем более переходом северных народов к другим видам опьяняющих напитков, основанных не на виноградном сырье (пиво, брага, питные меды, сикера, водка, кумышка и т. д.), вино становится символом “страшного могущества греха” и “страшных судов божьих” (Псл. 74:9, Ис. 51:17)» [40, с. 77]. Таким образом, негативные коннотации культуры вина — явление сравнительно новое, основанное на отказе от древних ритуалов.

Восприятие вина в индийской культуре также неоднозначно. С одной стороны, это один из великих даров, символ процветания: «из глубины вод, словно второе солнце, сверкая сотнями и тысячами холодных лучей, появилась луна. Вслед за ней, в своем белом одеянии, из очищенного масла появилась богиня процветания, за ней — богиня вина, а за ней — быстроногий белый скакун. А затем из нектара, великолепный и ярко сверкающий, появился драгоценный божественный камень Каустубха, предназначенный для того, чтобы украсить собой грудь Господа Нараяны» [31]. Вино представлено как жертва: «Сита помолилась речной богине, обещав принести ей в жертву

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине «Электронный универс»

(e-Univers.ru)